

В. П. Старостин

СОСТРАДАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН

*Работа представлена кафедрой философии, истории и социально-экономических наук
Якутской государственной сельскохозяйственной академии.
Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент А. Г. Пудов*

В статье автор доказывает императивность сострадания по отношению ко всем нравственным качествам человека, показывает моральную ценность и всеобщность милосердного отношения между людьми. Произведена попытка выявления в сострадании этического содержания. Рассматривается проблема биологического и социального в альтруизме. Научная новизна статьи также состоит в попытке этико-морального рассмотрения и ценностного определения взаимосвязанных категорий – сострадании, милосердии и благотворительности.

The author of the article proves imperativeness of compassion towards all moral qualities of a person, shows moral values and universality of merciful attitude among people and makes an attempt to reveal ethos content in compassion. The problem of biological and social aspects in altruism is examined. The scientific novelty of the article also consists in moral consideration and value definition of the interconnected categories – compassion, mercy and charity.

Сострадание, как и его противоположность – равнодушие, не только непростые явления человеческих отношений, но и чрезвычайно сложные социально-нравственные сущности действительности и бытия человека, некие «симптомы» «действительных противоречий общественной реальности, составляя внутренний смысл движения истории и выступая как шкала и мерило достигнутого»¹.

Наши попытки рассмотреть эти категории в рамках моральной философии, приведут нас к трудноразрешимым вопросам. Например, является ли сострадание (или альтруизм) общебиологическим феноменом, встречающимся даже у животных? Не является ли сострадание одним из видов проявления инстинкта самосохранения? А может это – всего лишь аффект или обыкновенная человеческая жалость, порой не имеющая никакой нравственной ценности? Как нам оценить с моральной точки зрения филантропию, меценатство – как эгоистическое желание откупиться и приобрести билет, пусть даже в иллюзорное будущее после смерти, или как благое дело, требующее всемерной поддержки? Есть ли место состраданию как нравственному явлению в современном, быстро меняющемся мире?

Традиции сострадания, милосердия и благотворительности в истории общественной и духовной жизни нашей страны занимали и занимают особое место. В последнее время в силу общественной значимости и актуальности внимание исследователей к данной проблематике начинает увеличиваться, складывается определенная историография. Однако сама проблема сострадания до сих пор остается в тени различных междисциплинарных наук, порой приобретая лишь узко этикетный, педаго-

гический или психологический характер. На наш взгляд, по сей день сострадание не рассматривается отечественными философами как особая нравственная категория, как специфический вид освоения человеком социальной реальности.

В академическом энциклопедическом словаре «Этика», вышедшем в издательстве «Гардарики», профессор В. Н. Шердаков указывает, что «Сострадание – одно из основных нравственных переживаний человека», «существенная часть наших духовно-нравственных переживаний»². И хотя мы порой приписываем животным человеческий тип поведения, человеческие чувства, вместе с тем сострадание ни в коем случае нельзя воспринимать только как ответную инстинктивную реакцию, присущую любому живому существу высшего порядка, – эмпатию, симпатию и т. д. Человеческое сострадание может быть выражено без ожидания какого-либо вознаграждения. Наоборот, соучастие, проявленное с корыстной целью, оказанное по принципу «я – тебе, ты – мне» не будет иметь моральной ценности, не будет носить характер нравственного поступка. При этом не стоит забывать, что мы иногда выражаем свое сострадательное отношение к людям, давно ушедшим из мира сего, сочувствуем событиям, имевшим место во времена давно минувшие. Без этого чувства невозможна была бы наша общая память, наша общественная история.

Неправомерно также путать рассматриваемое понятие с жалостью: сострадаем мы только по отношению к другому, к иному, к чужому «Я», к «не-Я». Если жалость возможна и по отношению к самому себе, что может деградирующе действовать на личность, то сострадать можно только горю, бедам и печали другого; как и истинно со-

радоваться можно только чужой радости, счастьем, успеху другого. К тому же, последнее можно представить только в системе человеческого сообщества, одновременно совмещающего фиксирование своего прошлого, анализ общего настоящего и прогноз всеобщего будущего.

Мораль – не только сложившаяся в процессе генезиса социума и признанная окружающими совокупность норм, правил поведения, выступающая регулятором отношений друг к другу, к различным социальным группам, обществу в целом. Мораль – всегда респективна, она построена на определенных ограничениях, которых можно воспринимать как подавление. Но это такого рода ограничение, которое налагает на себя сам человек, руководствуясь собственной совестью. Только с помощью такого самоподчинения своего поведения нравственными императивами наши предки сумели выйти из прежнего животного состояния и получили все необходимое для дальнейшего совершенствования своей духовной природы по пути постижения окружающей действительности. Человек в отличие от других тварей земных понимает, что такое долг и ответственность, а они подчиняются нашей совести.

Но если взаимоотношения морали и совести являются более определенными, то каковы границы между кажущимися синонимами понятиями «сострадание», «милосердие» и «благотворительность»? Без их разграничения не очень понятными являются границы категории сострадание. Всесторонний лингвистический анализ и теоретическое рассмотрение данного понятия подводит нас к выдвиганию следующего определения: сострадание является глубоким общечеловеческим феноменом, имеющим этосный характер, проявляющимся в восприятии личностью как своих чужой боли, страдания, горя. Этосность понимается нами как проявление человеческого в человеческом. Сострадание является всеобщим и универсальным явлением, несовместимым со злом, ибо противоположно рав-

нодушию, жестокосердию, злонамеренности, враждебности и насилию. При этом сострадание, являясь внутренним, находящемся в интимном лоне человеческого «Я» душевным состоянием, не всегда проявляется в обыденной жизни как определенный, видимый и фиксируемый нами поступок, акт человеческой жизнедеятельности. Действительное проявление сострадательности мы называем милосердием. В любом случае милосердие – есть поступок, нравственный поступок, моральное служение, исходящее из сострадания к другому. Не зря, наверное, именно у милосердия имеются свои сестры и братья.

Было бы верным также развести взаимосвязанные, но отнюдь не однозначные понятия «сострадание» и «благотворительность». Если первое проявляется как нравственное чувство, как некое внутреннее духовное состояние, то второе характеризуется действиями, имеющими материальное соотношение и оценку. И если милосердие основывается на сострадательности, то благотворительность, в связи с обязательным материальным сопровождением, может исходить и из других мотивов и мотиваций. И только характер мотивационной составляющей благотворительной деятельности может стать основой выявления добродетельности таких поступков.

Касаясь мотивации альтруистического поведения, следует отметить, что она более разработана в сфере социальной психологии, чем в философии. Например, психологи С. Шварц и Г. Клаузен³ показали, что готовность безвозмездно прийти на помощь наиболее ярко выражена у людей с внутренним локусом контроля, воспринимающих себя как субъектов активного действия, направляющих моральные устремления скорее на себя, чем вовне. Притом учеными было констатировано, что альтруизм проявляется в основном с двумя мотивами: моральным долгом и моральным сочувствием. В первом случае, альтруистические поступки совершаются ради морального удовлетворения, самоуважения, самоутвер-

ждения, порой гордости и повышения собственной самооценки. Кстати, в этом случае по отношению к объекту помощи можно относиться по-разному, даже отрицательно. Помощь оказывается жертвенно, как говорится, «отрывая от себя». При моральном сочувствии бескорыстие связано с отождествлением, сопереживанием, однако не всегда дело заканчивается действием, поступком, но обязательно характеризуется повышением личной ответственности.

Однако, определив четыре стадии процессуальной модели альтруистического действия (актуализации, обязанности, защиты и реакции), Шварц не описывает, на какой стадии, каким образом возникает собственно альтруистическое поведение, каким образом оно функционирует в социальной сфере и, наконец, как сострадательность, сочувствие, сопереживание становится необходимым элементом общественных отношений. По всей видимости, в сфере психологического произвести такого рода анализ не удастся.

Всестороннее рассмотрение феномена сострадания на когнитивном и концептуальном уровнях подводит нас к единому выводу: сострадание, являясь интимным внутренним человеческим чувством, возникло в глубокой психологической архаике как общебиологический инстинкт самосохранения, удовлетворения групповых эгоистических устремлений и желаний. Однако впоследствии, по мере усложнения, вышло за его рамки и уже в мировоззрениях древнего мира начинает осмысливаться как универсальное, воистину социальное проявление человеческого в человеческом. Как этический феномен, сострадание не удерживается только в индивидуальных помыслах и поступках, а в социально-философском плане выступает как общечеловеческий принцип построения общественных отношений и непреходящая ценность и важнейший элемент государственной институции социума. В этом отношении подлинная сострадательность, милосердие и человеколюбие приобретают этосную ха-

рактеристику своего проявления и функционирования.

Более того, без сострадания невозможна реальная рациональная фиксация в истории событий, феноменов, фактов, что препятствует ощущению общечеловеческого процесса как единого деяния прошлого, настоящего и будущего. А утеря сострадательности ведет к забвению уроков и морали истории, обнищанию человеческого сознания и самосознания каждого человека как общности.

Посредством концептуального анализа мы можем раскрыть подлинную сущность сострадания как особого специфического вида нравственного состояния бытия людей, а также попытаться осмыслить генезис и функционирование категории сострадания как философской универсалии в процессе существования социума. При этом ход развертывания материальной и духовной жизнедеятельности общества как предмет философского исследования рассматривается в рамках этой категории. Не ставя под сомнение целесообразность диалектико-материалистической интерпретации социальной жизни, рассматривающего диалектику социального и биологического, всестороннее рассмотрение сострадания приводит нас к выводу, что сострадание приобретает признаки особой социально-философской категории, и тем самым, как нам представляется, ее функционирование в обществе рассматривается как особая форма человеческого бытия. Данное положение исходит из убеждения, что социальная реальность развертывается не только, с одной стороны, как общность, общество и не только как человек, индивид, личность – с другой, но только в неразрывном единстве, борьбе того и другого. Сущность и существование социальной реальности, основанной и творчески создаваемой в человеческой жизнедеятельности, реализуется одновременно и неразрывно друг от друга, где происходит взаимопереход материального и идеального. Исходя из этого, можно сказать, что современная филосо-

фия как наука выступает в качестве опосредующей силы прошлого, настоящего и будущего всеобщего общественного развития человека. Такое видение действительно объединяет научное познание и практическую деятельность, принципы рациональности и морали, мир объективного познания и мир ценностей.

Возникновение и функционирование любого общего морального требования может быть рассмотрено лишь в ретроспективе, по прошествии определенного отрезка времени, т. е. в «прошлом», в процессе последующего теоретического анализа разносторонних общественных связей и отношений. Только в этом случае возможна оценка практической значимости той или иной нравственной нормы, того или иного морального требования. Однако в конкретно-историческом плане во время развертывания «настоящего» мы не можем с

уверенностью сказать, насколько верна будет та или иная жизненная позиция, тот или иной вид нравственности в «будущем». С опытом, в бесконечном повторении становится видимым необходимость и осознается обязательность предписания. Вот почему иные моральные нормы, законы имеют здесь и сегодня характер действий явно нерациональных, не отвечающих требованиям целесообразности и полезности. Такова суть реализации морали в социуме – ее функции необходимы и полезны обществу, но распознаются только на более высоком уровне социально-исторического обобщения и теоретической абстракции. Со страдание – как аксиологический императив осознавался и признается общечеловеческой ценностью, которую трудно вычленишь и зафиксировать в социальной жизни, но без которого невозможно представить дальнейшую жизнь человеческого общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды/ Сост. Р. Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002. С. 252–253.

² Шердаков В. Н. // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 452.

³ Schwartz S. H., Clausen G. Responsibility, norms, and helping in an emergency // Journal of Personality and Social Psychol. 1970. P. 16.